

Душа, как мятая трава

* * *

Была девочка – не была...
Мама доченькой не звала.
Детство было, и детства нет –
Память стёрла о боли след...

Не нужна ты ей, не нужна...
Ни её, ни твоя вина.
Так бывает – не голоси!
Нет любви, так и не проси...

Холод. Съёженная душа.
Не согреет из пуха шаль.
Мать не мать, да и дочь не дочь...
Будет утро? Пока что ночь...

Сердцу, что надорвано

Сердцу, что надорвано,
Долго ль жить?
Не твоя, а богова –
Эта жизнь.
Спустишься. Опустисься.
Поднимись!
За друзей и недругов
Помолись.
Всем за всё
И каждому за своё
Отвечать.
Раскаркалось вороньё...

* * *

Вы далеки, но мысли недалёки.
Злы на меня, а может, на весь свет.
Читаю Ваши скользкие упрёки –
Прикидываюсь дурочкой в ответ...

Зачем? Я и сама – не понимаю.
Мне огорчать Вас просто ни к чему.
Душой своей весь мир я обнимаю,
Но Вам при встрече руку не пожму...

Душа, как мятая трава

Не знаю, что сказать и как...
Оправдываться я не буду.
Я оставляю в прошлом страх,
У каждого есть свой Иуда...

Тебя давно пора забыть,
Воспоминанья вырвать с болью,
Святой водицей окропить
И встретить счастье хлебом-солью.

Всё слышит Бог, всё видит Бог...
Мудрец не делает ошибок.
Рождественский переполох
Напомнил мне, что мир наш зыбок.

Прости меня, коль не права.
Себя не знаю я покуда.
Душа, как мятая трава,
Болит и ноет – вот зануда!

* * *

*Со мной с утра не расставался Дождь.
– О, отвяжись! – я говорила грубо.
Он отступал, но преданно и грустно
вновь шёл за мной, как маленькая дочь.*
Белла Ахмадулина

Ваш дождик идёт за мной.
Ваш дождик нашёл меня!
Кричит мне: «Постой, постой!» –
Дождь плачет уже два дня.

О ком ты льёшь слёзы, дождь?
Я счастлива, друг, поверь!
Ты душу мне не тревожь –
В моей душе дремлет зверь.

Хочу успокоить дождь.
Хочу его приласкать.
Ваш дождь на меня похож –
Его не ласкала мать...

Ванька

Из цикла рассказов «Деревенские посиделки»

...Ванька Ложкин, изрядно выпив, с дружкой своим закадычным, Лёхой-лепёхой, домой пришёл, что называется, на бровях. Сбросил на пол у койки пуховик, стянув с ног пимы, завалился на постель. Дёрнул пару раз ногой, скидывая полуслезший носок, вскоре уgomонился.

Мать крепко спала, поэтому обошлось без скандала, хотя она и скандалить-то толком не умела, так, больше сетовала с досадой: «Ведь о таком даже подумать-то страшно, не то что сказать, дитя родное единственное жизнь свою пропивает, такó и врагу не пожелаешь...»

Ванька злился: «Кажный день одно и тож, хоть домой не ходи... Сколь можно воспитывать? Уж без малого третий год на пенсии, положенное отрёбил, теперь пирую на свои кровные, утя денег не прошу...»

Последние лет десять Ванька пил, не просыхая. Мать «кодировала» его без счёту раз, а всё без толку.

Под утро Ванька озяб и проснулся, в нетопленной с вечера избе было холодно. Укутался с головой в одеяло, но согреться не удавалось. Раздражённо крикнул нарочито громко на всю избу:

– Ма-а-ать, хватит спать!.. Мыслимо ли, на улице светает, а изба не топлена.

Мать молчала.

– Вставай, давай, кому говорю?.. Не слышит, спит, будь она не ладна...

Ванька встал, потёр заспанные глаза, зевнул, привычно прикрыв наполовину беззубый рот ладошкой. Хотел было печь растопить, но дров с вечера мать не принесла.

– И дров не припасла, вот те раз, отродясь такого не бывало, спит себе, и до сына родного дела нет... Мать, ты чё молчишь-то, осерчала, ли чё ли? Ты думаешь, легко мне пить-то? Сама не пьёшь, так не знашь, а попила бы с моё – узнала! Тут ревьешь, да пьёшь при нонешней-то жизни... Уж сколь раз тебе говорил и говорю: пил и пить буду, пенсию сам заработал... Хошь сердись, хошь нет – дело твоё... Сама себя маешь, да меня в придачу, другая бы уж давно смирилась да нервы сыну не трепала... – Ванька ворчал, натягивая на себя пимы и засаленный пуховик.

Быстро сбежал во двор «до ветра». Пёс Жулик, радостно виляя хвостом в ожидании скорой кормёжки, заискивающе вертелся в ногах Ваньки.

– Да погодь ты, погодь, не до тебя пока, вишь, с похмелья-то на ногах еле-еле стою – того и гляди упаду ненароком, да ты ещё проходи не дайшь, оголодал, как будто ты неделю не кормили. Дай хошь охапку дров взять – в избе холодища, зуб на зуб не попадát, – сказал Иван псу. А потом, жалеючи, добавил: – Щас печь истоплю, а покуда терпи, я и сам-то ещё не жрамши. Хозяйка-то твоя спит, нет чтобы нас с тобой покормить, сонная тетеря...

Вернувшись, Ванька бросил на пол охапку дров. Разжигая печь, снова окликнул мать:

– Мать, ты чё, всё ещё спишь, ли чё ль? На часы-то глянь, десятый час, как-никак!

Мать молчала.

Растопив печь, мало-мальски умылся у рамонойки, что стоял в закутке у печи, потом налил в чайник воды и поставил его на очаг.

– Хватит дуться-то, ну, выпил вчера с Лёхой-лепёхой по случаю, так теперя сам маюсь, спохмелья голова трещит. Мать, утя, поди, бражка есть, крещение сёдня, грех не выпить...

Мать молчала.

Ванька открыл кухонный шкаф, спиртного, как и следовало ожидать, не нашёл. Не держала мать дома спиртного, а «Тройной» одеколон, который покупала для растирки ног, прятала от сына, чтоб не выпил.

– У людей праздник, а у тебя ни выпить, ни закусить, хошь бы квашонку поставила, да после пирогов испекла али шанежек.

Мать молчала. Ванька, заподозрив неладное, зашёл к ней в комнату, небрежно раздвинул занавески на окнах. Мать с полуоткрытым ртом лежала на койке, зажав нательный крестик в левой руке, словно молилась во сне. Правая же рука безжизненно свисала с кровати, касаясь пола...

Он боязливо прикоснулся к матери, её застывшее тело, как губка, впитало холод смерти.

– Мать, ну ты не шути так, вставай, давай... Я уж печку сам истопил, чайник скоро закипит, чай пить будем... Мать! Мать!..

Ванька тряс мать за плечи, остывшее тело было пока ещё податливо.

– Мать, ну ты чё меня пугашь-то? Пошутила, и будя...

Ответа не последовало. Ванька машинально произнёс:

– Вставай, давай... Чай попьёшь, а потом лежи сколь хошь. Замёрзла, так я щас тебя своим одеялом укрою, согреться... Ты чё, ты чё, умерла ли чё ль... как так-то? Пошто ты-то вперёд меня? Я ж без тебя и года не протяну, кому я такой нужон...

Ванька выл, слёзы текли одна за другой по небритым щекам.

– Мать, мать, чё с меня взять-то? Сама посуди – пил, пью, в момент всё пропью... Чё ж ты так со мной-то? На какие шиши я тя хоронить-то теперя буду-у?..

Взрослеют все по-разному, его «детство» закончилось сейчас, к такому исходу Ванька был не готов...

Зимой в деревне народу не лишку, это летом она оживает за счёт дачников, а сейчас на всю деревню десяток старух не насчитаешь, а от переселившихся из города алкашей толку мало.

К другу своему Лёхе-лепёхе идти было бесполезно, он едва ли после вчерашней попойки очухался. Да, и какой это друг – так, собутыльник, разве что могилку копать поможет, хошь какой из него копальщик – ходячий суповой набор, идёт – ветром сдувает.

Немного погодя Ванька пошёл к соседке, тётке Матрёне, сообщить о случившемся, может,

поможет чем. Они с матерью, как-никак, подруги детства.

Ворота у тётки Матрёны были закрыты на замок. Ванька подошёл к палисаднику, открыл калитку и постучал в заиндевевшее окно. Матрена, с трудом разглядев Ваньку, испугалась не на шутку и прокричала: «Чё такó? Погóдь, ща-ас выйду...»

Вскоре и правда вышла, запыхавшись, отворила ворота и, предчувствуя сердцем худое, спросила:

– Вань, на тебе лица нет, чё такó? Ой, а перега-ром-то от тя за версту разит, дышать нечем, можно прям сразу закусывать.

Старушка прикрыла нос рукой и отошла в сторонку.

– Тётъ Матрён, мать-то у меня померла...

– Ой, батюшки родные, чё делается-то, знать, отмучилась, сердешная...

– Она-то отмучилась, а я-то на какие шиши её хоронить буду? Мне сёдня даже опохмелиться не начё...

– Вань, так мать-то мне наказала загодя, у неё всё припасёно: и деньги, и смёртная одёжа... Шешьдесят тыщ мне она на сохранение доверила, боялась, грешным делом, что ты пропьёшь. Ты, ёнто, милицию вызывай, звони, давай, круче!

А вы робят моих не видали?

Посвящается Устинье Ивановне Яниной

В огороде с утра пораньше бабушка Устинья окучивала картошку. Устала сильно. Спину пере-секло, кое-как выпрямилась, держась за тятку. Солнце припекало. Глазами она посчитала окученные ряды картошки, посетовав вслух: «Батюшки мои, всего-то навсего восемь рядков окучила, а провóшклась столь время! Года своё берут... Пожалуй сяду в тенёк под черёмуху, передохну трóшки, мыслимо ли – девятый десяток разменяла, ладно хоть ещё так шевёлюсь... Отдыхать собралась, а обед-то кто варить будет? И то, правда, пойти, хоть похлёбку маломальскую на скóру руку сготовить. Не ровен час, робята мои исть захотят, да домой прибегут, а я, квашня старая, чем их кормить-то буду? Придётся маль-цам сухонóсничать с такой-то матерью... В работе да в заботе про всё забыла, да как тут не забыть-то? Травы-то сколь, берёзка-то всё как есть затянула, никакого сладу с ней нет... Ближе-то к вечеру жар спадёт, так, Бог даст, ещё покопаюсь, сколь смогу не зага́дывамши, а то ведь перед людьми стыдо-бище – всё как есть заросло... Раньше-то такого срама в огороде у меня не бывало. До чё дожила... и поштó в огороде-то одна всё рóблию, у меня ж робят столь?! Прибегут робятёшки-то домой, накормлю их как слéдоват, а после пущай пособят мне картошку окучить. Ну, не цельными же днями им по ўлке рысогóнить?! Сызмальства к труду-то приучать надо, а то испотвáрим робятёшек сами, а они потом невесть что творят, да рóбить не хотят, разве ж ёнто дело? То-то и оно...»

...В избе Устинья почистила луковицу, морковку, штук пяток картофелин. Порезала скоро-наскоро картофель в кастрюлю с водой, потом

А схоронить-то схороним, есть на чё... Отмаялась, значит, Ляксáндра...

– Ну, ладно, прям с души камень упал, тады дай мне на опохмелку деньжат, а то голова трещит, того и гляди лопнет.

– Нáкося, выкуси! – тётка Матрёна показала кукиш. – Мать схорони сначала, ирод окаянный, после опохмеляться будешь. Милицию вызывай, сказала, а я щас оденусь и к вам подойду.

– Ну, ты мне хоть рублей полста дай, я до Семёновны добегу, она плеснёт на опохмелку.

– Кому сказала – не дам, и не проси, деньги мне мать на другó дело доверила.

– Тьфу-у, нашла, кому доверить, у тя зимой снега-то не выпросятся... – Ванька смачно плюнул и побрёл домой, шатаясь.

Матрёна вслед ему прокричала:

– Иди-иди, давай, пока метёлкой не отходила, я ж не мать, терпеть не буду, не на ту нарвался! – А потом тихо добавила: – Эх, Ванька, Ванька, пропащая душа! Хлопец-то до чё славный был ране, а как жена загуляла, так и спился – вот где горе-то горькое... Недолго он без матери-то протянет... Мать-то и ему на смерть деньжат припасла.

поставила варить на электроплиту. Пока вода закипала, пережарила лук с тёртой морковкой на нутряном свином сале в чугунной сковородке. Разбила куриное яйцо в миску, взбила вилкой, добавила немножко муки, всё перемешала, тщательно разминая комочки. Жидкое тесто понемножку ложкой опускала в кипящую похлёбку, разговаривая сама с собой:

«Робята-то мои таку похлёбку с колобками шибко любят! Особливо младшенький мой, Ванюшка... Батюшки, а укроп-то, укроп забыла крошить, совсем памяти не стало, ёнто чё ж такó... Да ещё хоть малёхо молочком забелить, всё ж таки повкуснее похлёбка-то буде. Жалко коровушки-то своей бóле нет, да и какая уж мне теперь корова? Два шага прошла и задохла, заплюхалась я совсем. Сердце-то того и гляди выпрыгнет, ничё не рóбит, а за коровушкой-то уходнужён».

Устинья попробовала похлёбку, а после сказала вслух:

– Ничё, похлёбка-то славная и соли в аккурат. Робята-то мои её живо два съедят.

Кукушка в ходиках прокуковала два раза.

«Ой, время-то сколь! Ну, надо же, два часа прокуковала – обедать давно пора, а робята-то мои где-кась? Вот сорванцы — забегались и про еду-то совсем забыли. Ну, да чё поделашь, знамо дело – дело молодое! Сама давно ли девкой была?! Ой, а года бегут, бегут, чем дальше, тем круче. Верно мне ране матушка-то говáривала, что в детстве-то время медленно идёт, ровно в гору нехотя поднимается, а стоит только замуж выйти да малых деток нарожать, так года-то с горы вниз и покатыт-

ся, словно на санках... Пойти скликать, ли чё ли, на улке робятёшек, поди-то, услышат, придут не ровен час. Сперва их накормлю, а после уж сама отобедаю».

Устинья вышла на крыльцо и закричала:

– Васька, Петька, Павлушка, Ванюшка-а! Вы где кось запропастились? Вот окаянные робятёшки... Обедать бегите! Похлёбка стынет...

На её крики никто не отзывался.

«Ладно, пойду, поищу сама. Голодные робятёшки-то бегают, жалко до чё. Ванечка-то мой совсем исхудал – одна кожа да кости. Взглянешь – почти насквозь светится. Да и в кого шибко-то полным быть? Я отродясь худющая была. Све-кровь, помню, всё по молодости-то меня дони-мала, чуть что, говаривала: девка-а, и как тебя только ноги носят? Того и гляди переломишься! А я ещё серчала на неё за энти слова, стыдилась шибко худобы-то своей. Сколь воды утекло с тех пор...»

Бабка Устинья вышла на улицу. Посмотрела по сторонам: «Ну, куда их нелёгкая опять унесла? Батюшки мои, словно корова языком слизала...».

У дома напротив сосед Сашка Каманцев чинил трактор. Старушка подошла к нему поближе и поздоровалась.

– Здорово, Ляксандр!

– Здравствуй, бабушка Устинья!

– Опять под трактором лежишь, сердешный!

– Лежу, а куда деваться-то? Старё, ломается, будь он неладен. Ни дела, ни работы.

– Ой, а увязюкался-то ты как, батюшки мои! Энто ж Тоньке твоей после одёжу-то недонять...

– Тонька – баба добрая, поворчит само собой, да успокоится. Шабалы, они и есть шабалы! Чего-чего, а энтото добра у нас хватат. Без грязи – денег не заробишь! Сама знашь.

– Так-то оно так... А ты робят-то моих не видал?

– Нет, не видал...

– Вот где бегают, а? Старшие-то, поди, на озеро купаться убежали, и малой, как пить дать, за ними увязался... Жара-то, какая стоит! Духота-а, не ровен час гроза будет... А Ванюшка-то мой плавать ладом не умеет, как бы до греха дело не дошло, вот ведь чё! Материнское-то сердце – загодя беду чует... Пойду на озере гляну. Пока похлёбку-то варила, сколь раз в окошко глядела – всё возле избы вертелась. Пошла звать, а их и след простыл, и когда только убежать успели? Ох, бедовые робята...

– Да не переживай, бабка Устинья! Куда твои ребятишки денутся? В деревне нашей тишь да благодать, кругом все свои. Набегают и всю твою похлёбку слупят за милу душу.

– И то, правда, Ляксандр! Утешил старуху...

Пошла бабка Устинья проулком к озеру. В огороде соседи Зубовы всей семьёй дружно окучивали картошку. Устинья подошла поближе к плетню и крикнула:

– Бог в помощь, милы люди! День добрый!

– Ой, здравствуй, бабка Устинья! – первым поздоровался отец семейства Иван Петрович, а следом за ним и остальные члены семьи.

– Робят я своих ищу, может видали?

– Нет, что ты, что ты... Головушку поднять некогда, работы столь, сама видишь...

– Вы всей-то артелью управитесь. А я думаю, дай-ка поздоровкаюсь с добрыми людьми, да заодно спрошу про своих робятёшек. Ну, нет, так нет – на нет и суда нет... Пойду к озеру спущусь, там ещё поклічу. Купаются, поди, сорванцы на Крутояре, а похлёбка-то моя стынет.

– Так на то и лето, что б купаться!

– И то верно.

– Вон, Идка-то Бестенева с озера идёт, ты, бабка Устинья, её спроси, ноги-то свои не май.

– И то правда... Тады постоя подожду, хоть дух малёхо переведу, а то задохла совсем. Жара, духота, как бы грозы не было! Эвон тучки засобирались... Земля пересохла – дождя просит...

Идка с озера несла на коромысле воду в вёдрах. Подойдя поближе к бабке Устинье, поздоровалась.

– Здрасте!

– Здорово, девонька! Устала, поди, шибко? Эвон, вёдра-то полнёхоньки несёшь, передохни хоть малёхо возле меня.

– Отдыхать зимой буду! А покүда работы столь, какой отдых? Некогда мне с тобой лясы-то точить... А ты куда энто собралась? Купаться, что ли, надумала на старости-то лет?!

– С чего глядя? Смеёшься ли чё ль над старой?! Я уж своё откупалась. Робят я своих ищу. Убежали, а у меня похлёбка стынет. Ты их на озере-то часом не видала?

– Вот те раз... Энто чё ж такó, бабка Устинья?! Нет у тебя никаких ребятишек... Ходишь, каждый день туда-сюда, деревню дивишь да людей от работы отвлекаешь. Ты хоть ноги-то свои пожа-лей!.. Домой, домой ступай, отдохни.

– Как энто нету? Есть! Четыре сыночка у меня – Васька, Петька, Павлушка, да самый малый – Ванюшка!

Идка помолчала чуток, а потом добавила:

– На войне они все у тебя погибли...

Устинья посмотрела на неё сквозь слёзы:

– Да ты чё, девонька, такó говоришь-то? Перегрелась ли чё ль сёдня на солнцепёке?.. Живы они, живы! Набегаютя вволю да домой придут...

Вытирая слёзы уголком платка, бабка Устинья побрела дальше – искать ребятишек.